Библиотечка журнала «Красноармеец»

№ 9 (54)

1946 г.

А. КОНАН-ДОЙЛ

ПЛЯШУЩИЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

Рассказы

Военное Издательство
Министерства Вооруженных Сил Союза ССР

ШЕРЛОК ХОЛМС

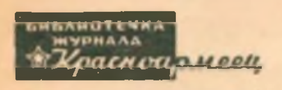
Бэкер-стрит — тихая, незаметная улица Лондона, но она известна всему миру потому, что на ней живёт Шерлок Холмс. Двери его открыты для всех, с кем произошёл какой-нибудь странный, загадочный случай. Тайны и загадки — его специальность.

Шерлок Холмс героически храбр. Он ничего и никого не боится. Но главное, что привлекает читателей к этому искоренителю преступлений и зол, — замечательная сила его мысли. Мышление Холмса реалистично, конкретно. Оно тесно связано с его необыкновенной способностью внимательно и зорко подмечать в окружающем мире такие явления, мимо которых мы обычно проходим, как слепые. Он феноменально наблюдателен.

Шерлок Холмс — человек очень высокой культуры. Он страстно любит музыку и сам превосходно играет на скрипке. У него есть учёные труды по психиатрии и химии. Ему не чуждо философское мышление.

В начале XX века с благородным, поэтическим Шерлоком Холмсом случилось большое несчастье: у него появился отвратительный и пошлый двойник. Слишком уж огромен был успех повестей и рассказов, которые напечатал о Шерлоке Холмсе английский писатель Конан-Дойл! Поэтому нашлись спекулянты-издатели, которые ради лёгкой наживы стали печатать тысячи книжонок, где распространяли о Шерлоке Холмсе всякую ложь. Авторы этих книжонок выдумали своего собственного Шерлока Холмса — глупца и наёмного убийцу, не имеющего ничего общего с тем, о котором мы сейчас говорили.

ГЛАВНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОЮЗА ССР

№ 9 (54)
1946 г.

А. КОНАН-ДОЙЛ „Пляшущие человечки“, рассказы.

ПЛЯШУЩИЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

— Всякая задача, — сказал Холмс, — оказывается очень простой после того, как вам её растолкуют. А вот вам задача, ещё не решённая.

Он взял со стола листок бумаги и подал его мне.

Я с изумлением увидел, что на листке начерчены какие-то бессмысленные иероглифы.

— Мистер Хилтон Кьюбитт из Ридлинг-Торп-Мэнора в Норфолке хотел бы знать, что это такое. Этот маленький ребус он послал нам с первой почтой, а сам выехал сюда ближайшим поездом. Слышите звонок, Уотсон? Это, верно, он.

На лестнице раздались тяжёлые шаги, и через минуту к нам вошёл высокий румяный, чисто выбритый джентльмен.

— Что вы об этом думаете, мистер Холмс? — воскликнул он. — Мне рассказали, что вы большой любитель всяких таинственных случаев, и я решил, что уж страннее этого вам ничего не

найти. Я вам заранее выслал эту бумажку, чтобы у вас было время изучить её до моего приезда.

— Это действительно в высшей степени любопытный рисунок, — сказал Холмс. — С первого взгляда его можно принять за детскую шалость.

Кто, казалось бы, кроме детей, мог нарисовать этих крошечных танцующих человечков? Почему вы придали столь важное значение такому причудливому пустяку?

— Да я не придал бы ему никакого значения, если бы не жена. Она смертельно перепугалась. Она ничего не говорит мне, но я вижу в глазах у неё ужас. Вот почему я принял это так близко к сердцу.

— Я плохой рассказчик, — сказал наш гость, нервно сжимая и разжимая свои большие сильные руки. — Если в моём рассказе вам что-нибудь покажется неясным, задавайте мне, пожалуйста, вопросы. Начну я с того, что в прошлом году я приехал в Лондон на праздники и остановился в меблированных комнатах на Рэсселсквере, потому что там остановился Паркер, священник нашего прихода. В этих меблированных комнатах жила молодая американская леди, по фамилии Патрик, Илси Патрик. Мы с ней скоро подру-

жились, и не прошло и месяца, как я полюбил её самой пылкой любовью.

Вам, вероятно, кажется странным, мистер Холмс, что человек хорошего старинного рода вступает в брак с женщиной, ничего не зная о её прошлом и о её семье. Но если бы вы увидели её и узнали, вам нетрудно было бы меня понять. Она была очень прямодушна со мной, моя Илси. Она предоставляла мне полную возможность отказаться от свадьбы, если я захочу. «У меня в моей прежней жизни были очень неприятные знакомства, — говорила она, — я хочу позабыть о них. Я не желаю возвращаться к своему прошлому, потому что всякое воспоминание причиняет мне боль. Если ты на мне женишься, Хилтон, ты женишься на женщине, которая сама ничего постыдного не совершила, но ты должен поверить мне на-слово и позволить умолчать обо всём, что было со мною до того, как я стала твоей. Если это условие кажется тебе слишком тяжёлым, возвращайся в Норфолк и предоставь мне продолжать ту одинокую жизнь, которую я вела до встречи с тобой».

Она сказала мне это за день до свадьбы. Я ответил ей, что готов подчиниться её желанию, и сдержал своё слово. Теперь мы женаты уже год и прожили этот год очень счастливо. Но месяц назад, в конце июня, я заметил первые признаки надвигающейся беды. Моя жена получила

письмо из Америки — на конверте была американская марка. Жена смертельно побледнела, прочла письмо и швырнула его в огонь. Она ни разу о нём не упомянула, и я ничего не спросил, ибо обещание есть обещание. Но с этого часа она ни одного мгновения не была спокойна.

Теперь перейду к самой странной части моей истории. Около недели назад, кажется во вторник, я увидел на одном из подоконников пляшущих человечков, таких же самых, как на этой бумажке. Они были нацарапаны мелом. Я думал, что их нарисовал мальчишка, работавший в конюшне, но он поклялся, что ничего о них не знает. Появились они ночью. Я смыл их и случайно упомянул о них в разговоре с Илси. К моему удивлению, она приняла мои слова близко к сердцу и попросила меня, если я опять замечу таких человечков, дать ей взглянуть на них. В течение недели они не появлялись, но вчера утром я нашёл в саду на солнечных часах этот листок. Я показал его Илси, и она тотчас же потеряла сознание. С тех пор она живёт, как во сне, и глаза её постоянно полны ужаса. Вот почему я написал вам письмо, мистер Холмс, и послал это листок.

— В этих странных рисунках, бесспорно, заключён какой-то смысл. Но та надпись, которую вы мне прислали, так коротка, что я ничего не могу с ней поделать, и те факты, которые вы нам

поведали, так неопределённы, что трудно сделать из них какой-либо вывод. По-моему, вам следует вернуться в Норфолк и внимательно следить за всем, что происходит вокруг. Как только вы обнаружите где-нибудь новых танцующих человечков, вы должны самым тщательным образом срисовать их. Какая жалость, что не срисовали тех, которые были начерчены мелом на подоконнике! Наводите справки обо всех незнакомых лицах, появляющихся по соседству. Чуть вы заметите что-нибудь новое, сразу приезжайте ко мне. Вот лучший совет, какой я могу вам дать.

После этого свидания Шерлок Холмс часто глубоко задумывался. Не раз видел я, как он вытаскивал из бумажника листок и подолгу разглядывал нарисованные на нём забавные фигурки. Однако только через две недели он снова заговорил со мной об этой истории. Когда я собирался уходить, он вдруг остановил меня.

— Вам бы лучше остаться дома, Уотсон.

— Почему?

— Потому что сегодня утром я получил телеграмму от Хилтона Кьюбитта. Помните Хилтона Кьюбитта и его пляшущих человечков? Он собирается приехать в Лондон в час двадцать. Каждую минуту он может быть здесь.

Ждать нам пришлось недолго, так как наш

норфолкский сквайр примчался с вокзала прямо к нам.

— Эта история действует мне на нервы, мистер Холмс, — сказал он, бессильно опускаясь в кресло. — Отвратительное состояние — чувствовать себя, что ты со всех сторон окружён какими-то неизвестными, невидимыми людьми, которые пытаются вовлечь тебя в какую-то беду, но ещё нестерпимее видеть при этом, как изо дня в день постепенно убивают твою жену!

— Сказала она вам что-нибудь?

— Нет, мистер Холмс, ничего не сказала. Бывают минуты, когда ей, бедняжке, я вижу, очень хочется всё мне рассказать, но нехватает решимости. Я пытался помочь ей, но у меня это получалось так неуклюже, что я только отпугивал её.

— А вы сами что-нибудь обнаружили?

— Да, я видел его за работой. Но позвольте мне всё рассказать вам по порядку... Вернувшись от вас, я на следующее же утро нашёл новых пляшущих человечков. Они были нарисованы мелом на чёрной деревянной двери сарая, находящегося возле лужайки; сарай отлично виден из окон нашего дома. Я их всех срисовал. Вот они.

— Срисовав человечков, я стёр их с двери, но два дня спустя на той же двери появилась новая надпись. Вот она:

— Через три дня на солнечных часах я обнаружил послание, написанное на бумажке. На бумажке лежал камень. Вот она. Как видите, фигурки на ней те же, что и в предыдущем послании. Тогда я решил подстеречь этого рисовальщика. Я взял револьвер и засел у себя в кабинете, из окна которого видны и лужайка и сад. Часа в два ночи, сидя у окна и глядя в залитый лунным светом сад, я услышал у себя за спиной шаги и, обернувшись, увидел свою жену в капоте. Она умоляла меня лечь в постель.

Внезапно лицо её так побледнело, что я заметил это даже при лунном свете, а пальцы её впились мне в плечо. Что-то двигалось в тени сарая. Я увидел, как из-за угла выползла тёмная согнутая фигура и уселась перед дверью. Схватив револьвер, я рванулся вперёд, но жена судорожно обняла меня и удержала на месте. Я пытался оттолкнуть её, но она вцепилась в меня ещё отчаяннее. Наконец, мне удалось вырваться, но когда я открыл дверь и добежал до сарая, тот человек уже исчез. Впрочем, он оставил следы своего пребывания, ибо на двери были нарисо-

Я увидел, как из-за угла выползла тёмная согнутая фигура и уселась перед дверью.

ваны пляшущие человечки. Я обежал весь сад, но нигде его не нашёл. Однако, как ни удивительно, он, безусловно, находился где-то поблизости, так как, когда утром я снова осмотрел дверь сарая, под той строчкой, которую я уже видел, оказалось несколько новых человечков.

— Вы их срисовали?

— Да. Их было очень немного. Вот они.

— Скажите, — спросил Холмс, и по его глазам я увидел, что он очень взволнован, — эти человечки были добавлены к предыдущей надписи или нарисованы отдельно?

— Они были нарисованы на нижней панели двери.

— Превосходно! Это для нас важнее всего. Это вселяет в меня надежду. Прошу вас, мистер Хилтон Кьюбитт, продолжайте свой интересный рассказ.

— Мне нечего прибавить, мистер Холмс, кроме того, что я очень рассердился на жену за то, что она помешала мне поймать негодяя. Вот всё, что случилось. А теперь я жду от вас совета, что мне делать дальше. Меня так и тянет спрятать в кустах пять-шесть наших деревенских молодцов. Они дали бы ему такой урок, что он навсегда оставил бы нас в покое.

— Боюсь, что столь сложное дело не излечишь

такими простыми лекарствами, — сказал Холмс.— Сколько времени вы можете пробыть в Лондоне?

— Я должен вернуться сегодня же. Я не могу оставить жену на ночь в одиночестве. Она очень нервничала и просила меня вернуться поскорее.

— Вы, пожалуй, правы. Но если бы вы могли остаться, я через день или через два поехал бы вместе с вами. Во всяком случае, оставьте мне эти бумажки. В самом непродолжительном времени я приеду к вам и, по всей вероятности, пролью некоторый свет на это дело.

Во время всего этого свидания Шерлок Холмс держался со своим обычным профессиональным спокойствием, но я, так хорошо его знавший, видел, что он глубоко взволнован. Едва широкая спина Хилтона Кьюбитта исчезла за дверью, как мой приятель кинулся к столу, разложил перед собой бумажки с пляшущими человечками и углубился в вычисления. В течение двух часов покрывал он страницу за страницей цифрами и буквами. Эта работа так захватила его, что он, видимо, забыл о моём присутствии. Когда дело шло на лад, он начинал напевать и насвистывать; когда же он становился втупик, он подолгу сидел с нахмуренным лбом и блуждающими глазами. Наконец, он удовлетворённо вскрикнул, вскочил со стула и принялся бегать взад и вперёд по комнате, потирая руки. Потом он отправил длинную телеграмму.

— Если мне ответят так, как я рассчитываю, ваша книга, Уотсон, обогатится описанием нового приключения, — сказал он. — Вероятно, завтра мы с вами поедем в Норфолк и окончательно раскроем тайну, доставившую нашему другу столько неприятностей.

Но ответ на телеграмму не приходил; в течение двух дней Холмс нетерпеливо прислушивался к каждому звонку. На второй день вечером мы получили письмо от Хилтона Кьюбитта. Он сообщал, что у него всё спокойно; вот только на подставке солнечных часов сегодня утром появилась длиннейшая надпись. К письму была приложена точная копия этой надписи. Вот она:

Холмс согнулся над этим причудливым рисунком и вдруг, вскочив на ноги, вскрикнул удивлённо и недовольно. Озабоченное лицо его стало угрюмым.

— Мы позволили этому делу зайти слишком далеко, — сказал он. — Какие поезда отправляются в Норт-Уэлшем по вечерам?

Я заглянул в расписание. Последний поезд только что ушёл.

— Придётся пораньше позавтракать и выехать первым утренним поездом, — сказал Холмс. — Наше присутствие там необходимо. А! Вот теле-

грамма, которую я ждал. Погодите минуточку, миссис Хэдсон, быть может, понадобится послать ответ. Нет, всё обстоит так, как я и ожидал.

Едва мы успели выйти в Норт-Уэлшеме и сказать, куда мы направляемся, к нам подбежал начальник станции.

— Вы, вероятно, сыщики из Лондона? — спросил он.

Холмс взглянул на него с беспокойством.

— Почему вы так думаете?

— Потому что инспектор Мартин из Норвича только что проехал. Или, быть может, вы врачи? Она ещё жива. Возможно, вы ещё успеете спасти её... для виселицы.

Холмс был хмур и озабочен.

— Мы едем в Ридлинг-Торп-Мэнор, — сказал он, — но мы ничего не слыхали о том, что там случилось.

— Страшное дело! — воскликнул начальник станции. — Они оба застрелены: и мистер Хилтон Кьюбитт и его жена. Она выстрелила сначала в него, потом в себя. Так рассказывают служанки. Он умер, она при смерти. Боже, самый древний род в Норфолкском графстве. Все у нас так уважали его!

Не сказав ни слова, Холмс вскочил в экипаж и в течение всего семимильного путешествия ни разу не раскрыл рта.

— Вот Ридлинг-Торп-Мэнор, — сказал он.

Когда мы подъехали к дому, я заметил перед ним чёрный сарай, стоящий за теннисной площадкой, и солнечные часы на пьедестале. Юркий человек с нафабренными усами только что проворно соскочил с высокой двуколки. Это был инспектор Мартин из Норфолкского полицейского управления.

— Позвольте, мистер Холмс, ведь преступление было совершено в три часа утра! Каким же образом вам удалось сразу узнать о нём в Лондоне и прибыть сюда одновременно со мной?

— Я предугадал его. Я ехал, чтобы предупредить его.

Инспектор Мартин был настолько умён, что позволил моему приятелю поступать по-своему. Сам он ограничился тем, что внимательно следил за его работой. Местный врач, седобородый старик, только что вышел из комнаты миссис Хилтон Кьюбитт и сообщил, что её положение серьёзно, но не безнадёжно; однако в сознание она придёт, вероятно, не скоро, так как пуля задела мозг. На вопрос, сама ли она в себя выстрелила, или в неё выстрелил кто-нибудь другой, он не отважился дать определённый ответ. Во всяком случае, выстрел был сделан с очень близкого расстояния. В комнате нашли всего один револьвер; оба ствола были пусты. Мистер Хилтон Кьюбитт убит выстрелом прямо в сердце. Можно было с одинаковой вероятностью допустить и то,

что он выстрелил сначала в неё, а потом в себя, и то, что преступницей была именно она, так как револьвер лежал на полу на равном расстоянии от обоих.

— Вы трогали убитого? — спросил Холмс.

— Нет. Мы только подняли и унесли леди.

— Давно ли вы здесь, доктор?

— С четырёх часов утра.

— Кто вызвал вас?

— Горничная Сондерс.

— Она первая подняла тревогу?

— Она и миссис Кинг, кухарка.

— В таком случае начнём с того, что выслушаем их рассказ.

Показания обеих женщин были в высшей степени точны. Их разбудил звук выстрела; через минуту они услышали второй выстрел. Они спали в смежных комнатах, и миссис Кинг бросилась к Сондерс. По лестнице они спустились вместе. Дверь кабинета была раскрыта, свеча горела на столе. Их хозяин лежал посреди комнаты лицом вниз. Он был мёртв. Возле окна корчилась его жена, прислонясь головой к стене. Рана её была ужасна — кровь залила половину лица. Она дышала, но ничего не могла сказать. В коридоре и в комнате стоял дым и пахло порохом. Окно было закрыто на задвижку изнутри, обе женщины утверждали это с полной уверенностью. Они сразу же вызвали доктора и полицейского. Затем

с помощью конюха и работающего на конюшне мальчишки они отнесли свою раненую хозяйку в её комнату. На ней было платье, на её муже — халат, надетый поверх ночной сорочки. Между мужем и женой никогда не было ссор. Их все считали чрезвычайно дружными супругами.

Вот главнейшие показания прислуги. Отвечая инспектору Мартину, обе женщины заявили, что все двери были заперты изнутри и что никому не удалось бы ускользнуть из дома. Отвечая Холмсу, они обе вспомнили, что почувствовали запах пороха, как только выбежали из своих комнат во втором этаже.

— Советую вам обратить самое серьёзное внимание на этот факт, — сказал Холмс инспектору Мартину. — А теперь, по-моему, следует приступить к осмотру комнаты, в которой было совершено преступление.

Кабинет оказался совсем маленькой комнаткой. Три стены его были заняты книжными полками, а письменный стол стоял возле окна, выходившего в сад. Внимание наше прежде всего было привлечено грузным телом несчастного сквайра, распростёртым на полу. Беспорядок в его одежде свидетельствовал о том, что он был наспех поднят с постели. Пуля пронзила его сердце и застряла в теле. Он умер мгновенно и безболезненно. Ни на его халате, ни на его руках не удалось обнаружить никаких следов пороха. Сель-

ский врач утверждал, что у миссис Кьюбитт были пятна пороха на лице, но не на руках.

— Отсутствие пятен на руках ничего не доказывает, а присутствие их доказывает всё, — сказал Холмс. — Если только порох случайно не высыпался из плохо приложенного патрона, вы не запачкаете рук, сколько бы вы ни стреляли... Теперь можно унести тело мистера Кьюбитта. Вам, доктор, вероятно, не удалось отыскать пулю, которая ранила леди?

— Для этого пришлось бы сделать серьёзную операцию. Но в револьвере осталось ещё четыре заряда. Выстрелов было два, ран тоже две, следовательно, установить судьбу каждой пули нетрудно.

— Это так только кажется, — сказал Холмс. — Будьте любезны, установите судьбу вон той пули, которая пробила край оконной рамы.

Он внезапно повернулся и своим длинным тонким пальцем показал на отверстие в нижней перекладине оконной рамы.

— Чорт возьми! — воскликнул инспектор. — Как вам удалось его найти?

— Я нашёл, потому что искал.

— Удивительно! — сказал сельский врач. — Вы совершенно правы, сэр: значит, был третий выстрел, и, следовательно, был третий человек. Но кто же он такой и куда он делся?

— На этот вопрос мы сейчас попробуем ответить, — сказал Шерлок Холмс. — Если помните, инспектор Мартин, когда служанки заявили, что, выбежав из своих комнат, они сразу почувствовали запах пороха, я вам сказал, что на это нужно обратить внимание.

— Помню, сэр. Но, признаться, я не вполне уловил вашу мысль.

— Это является доказательством того, что и дверь и окно были раскрыты настежь. В противном случае запах пороха не распространился бы с такой скоростью по всему дому. Только сквозняк мог занести запах так далеко. В этой комнате были открыты и дверь и окно, но на очень короткое время.

— Почему на короткое время?

— Потому что — взгляните сами — эта свеча не оплыла стеарином.

— Верно, верно! — вскричал инспектор.

— Убедившись, что окно во время трагедии было распахнуто, я пришёл к решению, что в этом деле был третий участник, стоявший снаружи и выстреливший в окно. Любой выстрел, направленный в этого третьего, мог попасть в оконную раму. Я взглянул и действительно нашёл след пули.

— Но каким же образом окно оказалось закрытым?

— Его, несомненно, закрыла женщина, закрыла инстинктивно... Но что это? А!

На столе лежала дамская сумочка — нарядная маленькая сумочка из крокодиловой кожи, отделанная серебром. Холмс раскрыл сумочку и вытряхнул на стол её содержимое. В ней оказалось двадцать пятидесятифунтовых кредитных билетов, перевязанных тесёмкой, и больше ничего.

— Возьмите, это будет фигурировать на суде, — сказал Холмс, передавая инспектору сумочку с её содержимым. — Теперь необходимо выяснить, кому предназначалась третья пуля. Судя по отверстию в оконной раме, стреляли из комнаты. Я хотел бы снова поговорить с миссис Кинг, кухаркой... Вы сказали, миссис Кинг, что вас разбудил громкий выстрел. Вы хотели этим сказать, что первый выстрел был громче второго?

— Я спала, сэр, и поэтому мне трудно судить. Выстрел показался мне очень громким, сэр.

— А не думаете вы, что это были два выстрела, грянувшие почти одновременно?

— Не могу в этом разобраться, сэр.

— Я уверен, что так и было. Я полагаю, инспектор Мартин, что в этой комнате мы больше ничего не узнаем. Если вы согласны последовать за мной, отправимся в сад и посмотрим, нет ли там чего-нибудь любопытного.

Как раз под окном оказалась цветочная клумба. Подойдя к ней, мы громко вскрикнули. Цветы

были вытоптаны, на мягкой земле отчётливо отпечатались следы ног; то были крупные мужские следы с очень длинными и острыми носками. Холмс шарил в траве и листьях, как охотничий пёс, разыскивающий раненую птицу. Вдруг он радостно вскрикнул, нагнулся и поднял с земли маленький медный цилиндрик.

— Я так и думал! — сказал он. — Вот третья гильза. Мне кажется, инспектор Мартин, что следствие почти кончено.

На лице провинциального инспектора было написано изумление: он явно восхищался быстротой и мастерством работы Холмса.

— Кого вы подозреваете? — спросил он.

— У меня нет ни малейшего намерения скрывать что-нибудь, а просто невозможно в разгаре дела тратить время на длинные и обстоятельные объяснения. Все нити этого преступления у меня в руках. Если даже леди никогда не очнётся, нам удастся восстановить все происшествия этой ночи и добиться правосудия. Прежде всего я хотел бы узнать, нет ли поблизости гостиницы под названием «Элридж».

Слуг подвергли перекрестному допросу, но никто из них не слыхал о такой гостинице. Только мальчишка, работавший на конюшне, внезапно вспомнил, что в нескольких милях отсюда, неподалёку от Ист-Рэстона, живёт фермер по фамилии Элридж.

— Его ферма лежит в стороне от других?

— Далеко от других, сэр.

— И, вероятно, там ещё не слыхали о том, что произошло здесь сегодня ночью?

— Вероятно, не слыхали, сэр.

Холмс задумался, и вдруг лукавая усмешка появилась у него на лице.

— Седлай коня, мой мальчик! — сказал он. — Я хочу попросить тебя свезти записку на ферму Элриджа.

Он вынул из кармана несколько бумажек с танцующими человечками. Усевшись за стол в кабинете, он разложил их перед собой и погрузился в работу. Наконец, он вручил мальчику записку, приказал ему передать её непосредственно тому лицу, которому она адресована, и при этом ни в коем случае не отвечать ни на какие вопросы. Адрес на записке мне удалось разглядеть — он был написан неровным, неправильным почерком, нисколько не похожим на обычный чёткий почерк Холмса. Записка была адресована мистеру Аб Слени, на ферму Элриджа, Ист-Рэстон в Норфолке.

— Мне кажется, инспектор, — заметил Холмс, — что вам следует вызвать по телефону конвой, так как, если мои предположения оправдаются, вам предстоит препроводить в тюрьму графства чрезвычайно опасного преступника.

Когда мальчик с запиской ускакал, Шерлок

Холмс созвал слуг. Он приказал всякого человека, который явится в дом и выразит желание повидать миссис Хилтон Кьюбитт, немедленно провести в гостиную, не сообщая ему о том, что здесь произошло. Он настойчиво потребовал самого точного исполнения этого приказания. Затем он отправился в гостиную и прибавил, что всё теперь сделается без нас, а нам остаётся только сидеть и поджидать, какая дичь попадёт в наши сети. Доктор удалился к своим пациентам. С Холмсом остались лишь инспектор и я.

— Я помогу вам провести этот час интересно и полезно, — сказал Холмс, подвинув свой стул к столу и разложив перед собой множество разных бумажек с изображением танцующих человечков. — Прежде всего я должен рассказать о своих встречах с мистером Хилтоном Кьюбиттом на Бэкер-стрит.

И он коротко рассказал инспектору то, что уже известно.

— Вот передо мною эти забавные рисунки, которые могли бы вызвать улыбку, если бы они не оказались предвестниками столь страшной трагедии. Я превосходно знаком со всеми видами тайнописи и сам являюсь автором научного труда, в котором проанализировано сто шестьдесят различных шифров, однако я вынужден признаться, что этот шифр для меня совершенная новость. Цель изобретателя этой системы за-

ключалась, очевидно, в том, чтобы скрыть, что эти значки являются письменами, и выдать их за детские рисунки. Но всякий, кто догадается, что значки эти соответствуют буквам, без особого труда разгадает их, если воспользуется обычными правилами разгадывания шифров. Первая записка была так коротка, что дала мне возможность сделать всего одно правдоподобное предположение, оказавшееся впоследствии правильным. Я говорю о флагах. Флаги эти употребляются лишь для того, чтобы отмечать концы отдельных слов. Больше ничего по первой записке я установить не мог. Мне нужен был свежий материал. Посетив меня второй раз, мистер Хилтон Кьюбитт передал мне три новые записки, из которых последняя, по всей вероятности, содержала всего одно слово, так как в ней не было флагов. Две другие записки начинались, несомненно, с одного и того же слова из четырёх букв. Вот это слово:

Как видите, оно кончается той же буквой, какой и начинается. Тут меня осенила счастливая мысль. Письма обычно начинаются с имени того, кому письмо адресовано. Человек, писавший миссис Кьюбитт эти послания, был, безусловно, близко с ней знаком когда-то. Вполне естественно, что он называет её просто по имени. А имя её состоит из четырёх букв и кончается той же буквой, какой начинается: зовут её Илси. Таким образом, я оказался обладателем трёх букв: И, Л и С.

Итак, в двух записках он обращается к миссис Кьюбитт по имени и, видимо, чего-то требует от неё. Чего он может от неё требовать? Не хочет ли он, чтобы она пришла куда-нибудь, где он мог с ней поговорить? Я обратился ко второму слову третьей записки. Вот оно:

В нём семь букв; третья буква и последняя — И. Я предположил, что слово это «ПРИХОДИ». И сразу оказался обладателем еще пяти букв: П, Р, Х, О, Д. Тогда я обратился к той записке, которая состояла всего из одного слова. Как вам известно, слово это появилось на двери сарая, на нижней панели, в стороне от предыдущей надписи. Я предположил, что оно является ответом и что написала его миссис Кьюбитт. Вот оно:

Подставим под него те буквы, которые нам уже известны. Получается:

.И. О. Д.

Что же могла миссис Кьюбитт ответить на его просьбу притти? Внезапно я догадался. Она ответила: «НИКОГДА».

Теперь я знал уже столько букв, что мог вернуться к самой первой записке. Вот она:

Если подставить под эту надпись уже известные нам буквы, получается:

..Д.С.А.СЛ.НИ

Предположим, что второе слово «ЗДЕСЬ». В таком случае последнее слово «СЛЕНИ». Это фамилия, чрезвычайно распространённая в Америке. Коротенькое словечко из двух букв, стоящее перед фамилией, по всей вероятности, имя. Какое же имя может состоять из двух букв? В Америке весьма распространено имя «Аб». Теперь остаётся установить только первое слово фразы; оно состоит всего из одной буквы, и отгадать его нетрудно: это местоимение «Я». Итак, в первом послании написано: «Я ЗДЕСЬ. АБ СЛЕНИ». Ну, а теперь у меня уже столько букв, что я без всякого труда могу прочесть и вторую записку. В ней написано: «ИЛСИ, Я ЖИВУ У ЭЛРИДЖА». Мне пришло в голову, что «Элридж» — название дома или гостиницы, в которой живёт человек, всё это написавший.

— Что же вы сделали дальше, сэр? — спросил инспектор.

— Так как имя «Аб» употребляется только в Америке и так как всё дело началось с того, что из Америки пришло письмо, у меня были все основания предположить, что этот Аб Слени — американец. Кроме того, я подозревал, что за всем этим делом кроется какое-то преступление. Моё подозрение было вызвано тем, что миссис Кьюбитт с таким упорством скрывала от мужа своё прошлое. Я послал телеграмму в нью-йоркское полицейское управление мистеру Уилсону Харгриву, который не раз пользовался моим знанием лондонского преступного мира. Я запросил его, кто такой Аб Слени. Он мне ответил: «Самый опасный бандит в Чикаго». В тот вечер, когда я получил этот ответ, Хилтон Кьюбитт сообщил мне последнее послание Слени. Подставив под него уже знакомые буквы, я получил фразу:

ИЛСИ ГО. ОВЬСЯ К С.ЕР.И

Так я узнал буквы М и Т, которые до сих пор мне не попадались. «ИЛСИ, ГОТОВЬСЯ К СМЕРТИ!» Мерзавец от просьб перешёл к угрозам, а мне известно, что у чикагских бандитов слова не расходятся с делом. Я сразу же отправился в Норфлок со своим другом и помощником доктором Уотсоном, но, к несчастью, мы прибыли тогда, когда самое худшее уже произошло.

— Большая честь — совместно с вами раскры-

вать преступление, — сказал инспектор мягко. — Однако, надеюсь, вы позволите мне сказать вам несколько откровенных слов. Вы отвечаете только перед собой, а я отвечаю перед своим начальством. Если этот Аб Слени, живущий у Элриджа, действительно убийца и если он удерёт, пока я сижу здесь, меня ждут крупные неприятности.

— Вам нечего беспокоиться: он не попытается удрать.

— В таком случае давайте поедем и арестуем его.

— Я жду его сюда с минуты на минуту.

— Почему вы думаете, что он придёт?

— Оттого, что я написал ему и попросил притти.

— Всё это слишком опрометчиво, мистер Холмс! Неужели он придёт оттого, что вы попросили его? Не легче ли предположить, что ваше письмо возбудит в нём подозрения, и он попытается скрыться?

— Всё зависит от того, как составить письмо,— сказал Шерлок Холмс. — Если не ошибаюсь, этот джентльмен уже идёт к нам собственной персоной вон по той дорожке.

По дорожке, которая вела к дому, шагал какой-то человек. Это был высокий, красивый смуглый мужчина в сером костюме и широкополой шляпе, с чёрной жёсткой бородой и крупным хищным

носом. На ходу он помахивал тростью и шагал с таким видом, словно всё кругом принадлежит ему.

Целая минута прошла в тишине — одна из тех минут, которых не забудешь никогда. Затем дверь открылась, и наш гость вступил в комнату. В одно мгновение Холмс приставил револьвер к его лбу, а Мартин надел наручники на его запястья.

— Ну, джентльмены, на этот раз вы поймали меня! Теперь уж мне от вас не уйти... Однако меня вызвала сюда письмом миссис Хилтон Кьюбитт... Нет, не говорите мне, что она с вами в заговоре. Неужели она помогла вам заманить меня в эту ловушку?

— Миссис Хилтон Кьюбитт тяжело ранена и находится при смерти.

Он громко вскрикнул, и крик его, полный горя, разнёсся по всему дому.

— Да вы с ума сошли! — закричал он яростно. — Он ранен, а не она! Разве у кого-нибудь хватило бы духу ранить маленькую Илси? Я угрожал ей, да простит меня бог, но я не коснулся бы ни одного волоса на её прекрасной голове.

— Она была найдена тяжело раненой возле своего мёртвого мужа.

С глубоким стоном он опустился на диван и закрыл лицо руками. Он молчал целых пять минут.

Затем открыл лицо и заговорил с холодным спокойствием отчаяния.

— Мне нечего скрывать от вас, джентльмены,— сказал он. — Я стрелял в него, но и он стрелял в меня, — следовательно, это нельзя назвать убийством. Если же вы думаете, что я в состоянии ранить ту женщину, значит вы не знаете ни её, ни меня. Ни один мужчина никогда не любил ни одной женщины так, как я любил её. Я имел все права на неё. Она была мне предназначена уже много лет назад. На каком основании этот англичанин встал между нами?

— Она рассталась с вами, когда узнала, кто вы такой,— сурово сказал Холмс. — Она бежала из Америки, чтобы спрятаться от вас, и вышла замуж в Англии за почтенного человека. Вы угрожали ей, вы преследовали её, вы старались заставить её бросить мужа, которого она любила и уважала, и бежать с вами... А вас она боялась и ненавидела. Вы кончили тем, что убили этого благородного человека и довели его жену до самоубийства. Вот ваши заслуги, мистер Аб Слени, за которые вам придётся держать ответ.

— Если Илси умрёт, мне всё равно, что будет со мною, — сказал американец.

Он разжал кулак и глянул в записку, лежавшую у него на ладони.

— Послушайте, мистер, — вскричал он, и глаза его недоверчиво блеснули, — а не пытаетесь ли

вы меня попросту запугать? Если леди ранена так тяжело, кто же написал эту записку?

Он швырнул записку на стол.

— Её написал я, чтобы заставить вас притти сюда.

— Её написали вы? На всём земном шаре нет ни одного человека, кроме членов нашей шайки, который знал бы тайну пляшущих человечков.

— То, что изобретено одним человеком, может быть понято другим, — сказал Холмс. — Вот приближается кэб, в котором вас отправят в Норвич, мистер Слени. Но у вас есть ещё возможность немного исправить причинённое вами зло. Известно ли вам, что миссис Хилтон Кьюбитт сама была заподозрена в убийстве своего мужа и что только моё присутствие здесь и добытые мною сведения спасли её от этого обвинения? Вы обязаны объявить на весь мир, что она ни прямо, ни косвенно не повинна в его трагической смерти.

— Так я и сделаю, — сказал американец. — Я вижу, что для меня выгоднее говорить чистую правду. Вам нужно знать, джентльмены, что я познакомился с этой леди, когда она была ребёнком. Наша чикагская шайка состояла из семи человек, и отец Илси был нашим главарём. Умный он был старик, этот Патрик! Это он изобрёл буквы, которые всеми принимались за детские

каракули, пока вам не посчастливилось подобрать к ним ключ. Илси знала о некоторых наших делах, но она терпеть не могла нашей профессии, а так как у неё было немного собственных, заработанных честным трудом денег, она ускользнула от нас и уехала в Лондон. Она была помолвлена со мной и вышла бы за меня замуж, если бы я переменил профессию, но с людьми нашей профессии она не желала иметь ничего общего. Мне удалось напасть на её след только после того, как она вышла за этого англичанина. Я написал ей, но ответа не получил. Тогда я приехал сюда и, так как она могла не получить моих писем, я стал писать ей на таких предметах, которые должны были попасться ей на глаза.

Я живу здесь уже целый месяц. Я поселился на ферме. Комната, которую я снял, тем хороша, что расположена в нижнем этаже, и я мог выходить из неё по ночам, не привлекая внимания хозяев. Я изо всех сил старался переманить Илси к себе. Я знал, что она читает мои каракули, потому что однажды под ними она написала ответ. Наконец, я потерял терпение и начал ей угрожать. Тогда она прислала мне письмо, в котором умоляла меня уехать, уверяя, что сердце её будет разбито, если её муж попадёт в какую-нибудь скандальную историю. Она

пообещала мне поговорить со мной через окно в три часа ночи, когда муж её будеть спать, если я дам ей слово, что после этого уеду и оставлю её в покое.

Разговаривая со мной, она стала предлагать мне деньги, чтобы откупиться от меня. Это привело меня в бешенство, я схватил её за руку и пытался вытащить через окно. В это мгновение прибежал её муж с револьвером в руке. Илси без чувств опустилась на пол, и мы остались с ним одни лицом к лицу. Я тоже был вооружён и поднял свой револьвер, чтобы испугать его и получить возможность уйти. Он выстрелил и промахнулся. Я выстрелил почти одновременно с ним, и он рухнул на пол. Я побежал прочь через сад и услышал, как сзади захлопнули окно... Всё это правда, джентльмены, и больше я ничего об этом не слыхал, пока ко мне не прискакал мальчишка с запиской. Прочитав записку, я побежал сюда и попал к вам в руки...

Тем временем к дому подъехал кэб; в нем сидели два полисмена. Инспектор Мартин встал и тронул арестованного за плечо:

— Пора ехать.

Мы стояли у окна и смотрели вслед удалявшемуся кэбу. Обернувшись, я заметил листок бумаги, оставленный преступником на столе. Это была записка, которую послал ему Холмс.

На ней были нарисованы вот такие пляшущие человечки:

— Если вы вспомните мои объяснения, вы увидите, что здесь написано: «ПРИХОДИ НЕМЕДЛЕННО». Я не сомневался, что это приглашение приведёт его сюда, ибо он будет убеждён, что, кроме миссис Кьюбитт, никто так писать не умеет. Словом, мой дорогой Уотсон, этих человечков, столь долго служивших злу, мы принудили в конце концов послужить добру... Мне кажется, я выполнил своё обещание обогатить вашу записную книжку. Наш поезд отходит в три сорок, и мы приедем на Бэкер-стрит как раз к обеду.

Ещё несколько слов в заключение. Американец Аб Слени зимней сессией суда в Норвиче был приговорён к смерти. Но, приняв во внимание смягчающие вину обстоятельства и доказанность того, что Хилтон Кьюбитт выстрелил в него первым, суд заменил смертную казнь каторжными работами. О миссис Хилтон Кьюбитт мне известно только то, что она совершенно поправилась, что она всё ещё вдова и что она посвятила свою жизнь заботам о бедных.

ЧЕЛОВЕК С РАССЕЧЕННОЙ ГУБОЙ

Однажды вечером, в июне 1889 года, как раз в то время, когда начинаешь уже зевать и посматривать на часы, в квартире моей раздался звонок.

Мы услышали шум отворяемой двери и чьи-то торопливые шаги в коридоре. Дверь нашей комнаты распахнулась, и вошла дама в тёмном платье, с чёрной вуалью на лице.

— Да ведь это Кэт Уитни, — сказала жена, приподняв её вуаль.

— Я обращаюсь к тебе, потому что не знаю, что делать. Дело идёт об Айзе. Вот уже два дня, как его нет дома. Я так боюсь за него!

Не в первый раз беседовала она с нами о своём несчастном муже — со мной, как с доктором, а с женой, как со своей старой, школьной подругой. Мы утешали и успокаивали её, как могли. Знает ли она, где находится её муж? Нельзя ли съездить за ним и привезти его домой?

Оказалось, что это вполне возможно. Ей было известно, что за последнее время он обычно курил опий в притоне, который находился на одной из восточных улиц Сити.

Не пойти ли ей вместе со мной? Впрочем, зачем ей итти? Я лечил Айзу́ Уитни и как доктор мог повлиять на него. Я был уверен, что без неё мне будет легче справиться с ним. Я дал ей слово, что в течение ближайших двух часов усажу её мужа в кэб и отправлю домой.

Сначала всё шло хорошо. Эппер-Суондем-лэн— грязный переулок, расположенный позади высоких верфей, которые тянутся на восток вдоль северного берега реки, вплоть до Лондонского моста. Притон, который я разыскивал, находился в подвале между грязной лавкой и кабаком; в эту чёрную дыру, как в пещеру, вели крутые ступени.

Приказав кэбу подождать, я спустился вниз. При свете мигающей керосиновой лампочки, висевшей над дверью, я отыскал щеколду и вошёл в длинную низкую комнату, полную густого коричневатого дыма; вдоль стен тянулись деревянные нары, как на баке эмигрантского корабля.

Сквозь мрак я не без труда разглядел безжизненные тела, лежавшие в странных, фантастических позах: с согнутыми плечами, с поднятыми коленями, с запрокинутыми головами, с торчащими вверх подбородками.

Как только я вошёл, ко мне кинулся смуглый малаец, протянул мне трубку, порцию опия, и показал свободное место на нарах.

— Спасибо, я не могу здесь остаться,— сказал я.— Здесь находится мой друг мистер Айза Уитни. Мне нужно поговорить с ним.

Справа от меня что-то шевельнулось, я услышал чьё-то восклицание и, вглядевшись во тьму, увидел Уитни, который пристально смотрел на меня, бледный, угрюмый и какой-то встрёпанный.

— Боже, да это Уотсон!— проговорил он.

Он находился в состоянии самой плачевной реакции после опьянения.

— Который теперь час, Уотсон?

— Скоро одиннадцать.

— А какой нынче день?

— Пятница, девятнадцатое июня.

— Неужели? А я думал, что ещё среда. Нет, сегодня среда. Признайтесь, что вы пошутили. И что вам за охота пугать человека!

— Говорю вам, что сегодня пятница. Ваша жена ждёт вас уже два дня. Право, вам должно быть стыдно!

— В таком случае я уеду сейчас же. Но я им должен. Узнайте, сколько я должен, Уотсон. Я совсем размяк и ослабел. Нехватает сил, чтобы расплатиться.

По узкому проходу между двумя рядами спящих, задерживая дыхание, чтобы не вдыхать одуряющих паров ядовитого зелья, я отправился разыскивать хозяина. Поровнявшись с высоким

стариком, сидевшим возле жаровни, я почувствовал, что меня кто-то дёргает за пиджак, и услышал шопот:

— Пройдите мимо меня, а потом оглянитесь.

Эти слова я расслышал вполне отчётливо. Их мог произнести только находившийся рядом со мною старик. Однако у него попрежнему был такой вид, будто он погружён в себя и ничего кругом не замечает. Он сидел тощий, сморщенный, согбенный под тяжестью лет; трубка с опием висела у него между колен, словно вывалившись из его обессиленных пальцев. Я сделал два шага вперёд и оглянулся. Мне понадобилось всё моё самообладание, чтобы не вскрикнуть от удивления. Он повернулся так, что лица его не мог видеть никто, кроме меня. Спина его выпрямилась, морщины разгладились, в тусклых глазах появился их обычный блеск. Возле огня сидел, посмеиваясь над моим удивлением, не кто иной как Шерлок Холмс. Он сделал мне украдкой знак, чтобы я подошёл к нему, и опять превратился в дрожащего старика с отвислой губой.

— Говорите как можно тише, — прошептал он. — У меня превосходный слух. Если вы избавитесь от вашего ошалелого друга, я буду счастлив немного побеседовать с вами.

— Меня за дверью ждёт кэб.

— Так отправьте вашего друга домой одного в этом кэбе. Вы можете нисколько за него не бояться, так как он слишком слаб, чтобы впутаться в какой-нибудь скандал. Будет лучше всего, если вы пошлёте с кучером записку вашей жене, что вы встретили меня и остались со мной. Подождите меня на улице, я выйду через пять минут.

Помогать Шерлоку Холмсу в его изысканиях было для меня наивысшим счастьем. Поэтому я тотчас же написал записку жене, заплатил за Уитни, усадил его в кэб и стал терпеливо ждать неподалеку от дома. Кэб сразу же скрылся во мраке. Через несколько минут из курильни вышел старик, и я зашагал с ним по улице. Два квартала он прошёл, не разгибая спины и неуверенно шагая старческими ногами. Потом торопливо оглянулся, выпрямился и от души захохотал. Передо мною был Шерлок Холмс.

— Вероятно, Уотсон, — сказал он, — вы вообразили, что я пристрастился к курению опия.

— По правде сказать, я действительно был удивлён, когда увидел вас в этой трущобе.

— И всё же я удивился ещё больше, чем вы, когда увидел в этой трущобе вас.

— Я искал там друга.

— А я врага.

— Врага?

— Да. Короче говоря, Уотсон, я занят чрезвычайно любопытным делом и надеялся узнать

кое-что из бессвязной болтовни очумелых курильщиков опия. Прежде мне это иногда удавалось. Если бы меня узнали в той трущобе, моя жизнь не стоила бы ни одного медяка, так как я уже бывал там не раз, и негодяй ласкар[1], хозяин притона, поклялся расправиться со мною. Это самая страшная ловушка на всём берегу реки, и я опасаюсь, что Невилл Сент-Клер, попавший в неё, никогда не вернётся домой. Но мы тоже устроим ловушку.

— Ну, что же, Уотсон, — сказал Холмс, когда из темноты вынырнула двуколка с двумя фонарями, бросавшими яркие полосы света, — поедете вы со мною?

— Если буду вам полезен...

— Верный товарищ всегда полезен. В моей комнате в «Кедрах» имеются две кровати.

— В «Кедрах»?

— Да. Так называется дом мистера Сент-Клера. Я буду жить в его доме, пока не распутаю это дело.

— Ничего не понимаю.

— Вполне естественно. Сейчас я вам всё объясню. Садитесь... Хорошо, Джон, вы нам больше не нужны. Вот вам полкроны. Ждите меня завтра часов в одиннадцать. Дайте мне вожжи.

[1] Ласкар — так у англичан называется всякий уроженец Ост-Индии, служивший матросом на британском корабле.

Он хлестнул лошадь, и мы понеслись по бесконечным тёмным, пустынным улицам. Холмс молча правил лошадью, в глубокой задумчивости опустив голову на грудь, а я сидел рядом с ним, стараясь отгадать, что́ занимает его мысли, и не смея прервать его раздумья.

— Вы наделены великим талантом молчания, Уотсон, — сказал он. — Благодаря этой способности вы незаменимый товарищ. Однако сейчас мне нужен человек, с которым я мог бы поболтать, чтобы разогнать неприятные мысли.

— Вы забываете, что я ничего не знаю.

— У меня как раз хватит времени рассказать вам всё, пока мы доедем до Ли. Дело кажется до смешного простым, а между тем я не знаю, как за него взяться.

— Рассказывайте.

— Несколько лет назад, точнее в мае 1884 года, в Ли появился джентльмен по имени Невилл Сент-Клер, который, видимо, имел много денег. Он нанял большую виллу, разбил вокруг неё прекрасный сад и зажил на широкую ногу, по-барски. Мало-помалу он подружился с соседями и в 1887 году женился на дочери местного пивовара, от которой теперь имеет уже двоих детей. Определённых занятий у него нет, но он принимает участие в нескольких коммерческих предприятиях и обычно каждое утро ездит в город, возвращаясь оттуда поездом пять четырнадцать.

Мистеру Сент-Клеру теперь тридцать семь лет. Живёт он скромно; он хороший муж и любящий отец; люди, встречавшиеся с ним, отзываются о нём превосходно.

В прошлый понедельник мистер Невилл Сент-Клер отправился в город раньше обычного, сказав перед отъездом, что у него два важных дела и что он привезёт своему сынишке коробку с кубиками. Случайно в тот же самый понедельник, вскоре после его отъезда, жена его получила телеграмму, что на её имя в Эбердинском пароходном обществе получена небольшая, но весьма ценная посылка, которую она ожидала уже давно. Если вы хорошо знаете Лондон, вам известно, что контора этого пароходного общества помещается на Фресно-стрит, которая упирается в Эппер-Суондем-лэн, где вы нашли меня сегодня вечером. Миссис Сент-Клер позавтракала, отправилась в город, сделала кое-какие покупки, заехала в контору общества, получила там свою посылку и в четыре часа тридцать пять минут шла по Суондем-лэн, направляясь к вокзалу... И вот, идя по Суондем-лэн, она внезапно услышала крик и вся похолодела, увидев своего мужа, который смотрел на неё из окна второго этажа какого-то дома и, как ей показалось, жестами звал её к себе. Окно было раскрыто, и она ясно разглядела лицо мужа, показавшееся ей чрезвычайно взволнованным. Он протянул к ней

Окно было раскрыто, и она ясно разглядела лицо мужа...

обе руки и вдруг исчез так внезапно, будто его насильно оттащили от окна. Однако её зоркий женский взгляд успел заметить, что хотя он одет был в тот же чёрный сюртук, в котором он уехал из дому, на нём не было ни воротничка, ни галстука.

Уверенная, что с мужем случилась беда, она сбежала вниз по ступенькам (дом был тот самый, в котором помещается трущоба, где вы нашли меня нынче вечером) и, пробежав через переднюю комнату, попыталась подняться по лестнице, ведущей в верхние этажи. Но у лестницы она наткнулась на негодяя ласкара, о котором я вам сейчас говорил. Ласкар с помощью своего подручного выставил её на улицу. У него есть подручный, датчанин. Обезумев от ужаса, она побежала по улице и, к счастью, на Фресно-стрит встретила полицейских, которые совершали обход под начальством инспектора.

Инспектор с двумя констеблями последовал за миссис Сент-Клер, и, несмотря на упорное сопротивление хозяина, им удалось проникнуть в ту комнату, в окне которой она видела мужа. Но здесь его не оказалось. Во всём этаже не нашли никого, кроме какого-то калеки отвратительной внешности, который, видимо, там и живёт. И он и ласкар упорно клялись, что тут никого больше не было. Они так решительно всё отрицали, что инспектор стал было уже сомневаться, не ошиблась ли миссис Сент-Клер, как вдруг она с криком кинулась к небольшому деревянному ящичку, стоявшему на столе, и сорвала с него крышку. Из ящичка посыпались детские кубики. То была игрушка, которую её муж обещал привезти из города.

Эта находка и внезапное смущение калеки убедили инспектора в серьёзности дела. Комнаты были тщательно обысканы, и обыск привёл к открытию гнусного преступления.

Убранство этой квартиры, конечно, убогое. Передняя комната представляет собою что-то вроде гостиной, а рядом с ней помещается небольшая спальня, окно которой выходит на задворки одной из верфей. Между верфью и окном спальни есть узкий канал, который высыхает во время отлива, а во время прилива наполняется водой на четыре с половиной фута. Окно в спальне широкое и открывается снизу.

При осмотре были обнаружены на полоконнике следы крови; несколько кровавых пятен нашли также и на деревянном полу. За шторой в передней комнате удалось обнаружить всю одежду мистера Невилла Сент-Клера. Не было только его пиджака. Его ботинки, его носки, его шляпа, его часы — всё оказалось тут. На одежде не нашли никаких следов насилия. Но сам мистер Невилл Сент-Клер бесследно исчез. Исчезнуть он мог только через окно, и зловещие кровавые

пятна на подоконнике ясно указывали, что вряд ли ему удалось спастись вплавь, тем более что в тот час, когда совершалась трагедия, прилив достиг наивысшего уровня.

Теперь обратимся к негодяям, на которых падает подозрение. Ласкар известен как человек с тёмным прошлым, но из рассказа миссис Сент-Клер мы знаем, что через несколько мгновений после появления её мужа в окне он находился внизу, и, следовательно, его можно считать лишь соучастником преступления. Он отрицает всякую свою причастность к этому делу.

Вот всё, что известно о хозяине-ласкаре. Теперь обратимся к угрюмому калеке, который живёт во втором этаже над притоном и, безусловно, является последним человеком, видевшим Невилла Сент-Клера. Его зовут Хью Бун, и его безобразное лицо хорошо знает всякий, кому приходится часто бывать в Сити. Он профессиональный нищий; впрочем, для того, чтобы обойти полицейские правила, он делает вид, будто продаёт восковые спички.

Как вы, вероятно, не раз замечали, на левой стороне Трэд-Нидл-стрит есть ниша. В этой нише сидит калека, поджав ноги и разложив у себя на коленях несколько спичечных коробков; вид его вызывает сострадание, и дождь милостыни так и льётся в грязную кожаную шапку, которая лежит перед ним на мостовой. Я не раз

... дождь милостыни так и льётся в грязную кожаную шапку.

наблюдал за ним, ещё не предполагая, что нам когда-нибудь придётся познакомиться с ним как с преступником, и всегда удивлялся тому, какую обильную жатву он собирает в самое короткое время. У него такая незаурядная внешность, что никто не может пройти мимо, не обратив на него внимания. Оранжево-рыжие волосы, бледное лицо, изуродованное чудовищным шрамом, нижний конец которого рассёк надвое верхнюю губу, бульдожий подбородок и проницательные тёмные глаза, цвет которых представляет такой резкий контраст с цветом его волос, — всё это выделяет его из серой толпы попрошаек.

Таков обитатель верхнего этажа этой подозрительной курильни...

— Пожалуйста, рассказывайте дальше.

— При виде крови на подоконнике миссис Сент-Клер стало дурно, и её отправили домой в сопровождении полицейского, тем более что для дальнейшего расследования её присутствие не было необходимо. Инспектор Бартон, принявший на себя ведение этого дела, тщательно обыскал весь притон, но не нашёл ничего нового. Сделали ошибку: не арестовали Буна в первую же минуту и тем самым предоставили ему возможность в течение нескольких минут обменяться несколькими словами со своим другом ласкаром. Однако ошибка эта была скоро исправлена: Буна схватили и обыскали. Но обыск не

дал никаких улик против него. Правда, на правом рукаве его рубашки оказались следы крови, но он показал полицейским свой безымянный палец, на котором был порез возле самого ногтя, и прибавил, что следы крови на подоконнике, вероятно, являются следствием того же пореза, так как он подходил к окну, когда у него из пальца шла кровь. Он упорно утверждал, что никогда не видел мистера Сент-Клера, и клялся, что присутствие одежды этого джентльмена у него в комнате — такая же тайна для него, как и для полиции. А когда ему передали, что миссис Сент-Клер видела своего мужа в окне его комнаты, он сказал, что это ей либо почудилось в припадке безумия, либо просто приснилось. Буна отвели в участок. Он громко протестовал. Инспектор остался поджидать отлива, надеясь обнаружить на дне канала какие-нибудь новые улики. И действительно, в липкой грязи, на самом дне, нашли кое-что, но совсем не то, что они с таким страхом ожидали найти. Когда отхлынула вода, они обнаружили в канале не самого Невилла Сент-Клера, а лишь пиджак Невилла Сент-Клера. И, как вы думаете, что они нашли в карманах пиджака?

— Представить себе не могу.

— Я и не думаю, чтобы вы могли угадать. Все карманы были набиты монетами в пенни и в полпенни — четыреста двадцать одно пенни и

двести семьдесят полпенни. Неудивительно, что отлив не унёс пиджака. А вот труп — дело другое. Между домом и верфью очень сильное течение. Вполне допустимо, что труп был унесён в реку, в то время как тяжеловесный пиджак остался на дне.

— Но, если не ошибаюсь, всю остальную одежду нашли в комнате? Неужели на трупе был лишь пиджак?

— Нет, сэр. Но этому можно найти объяснение. Предположим, что Бун выбросил Невилла Сент-Клера через окно и этого никто не видел. Что стал бы он делать дальше? Естественно, что первым долгом он попытался бы избавиться от одежды, которая могла его выдать. Он берёт пиджак, хочет выбросить его за окно, но тут ему приходит в голову, что пиджак не потонет, а поплывёт. Он страшно торопится, ибо слышит суматоху на лестнице, слышит, как жена Сент-Клера требует, чтобы её пустили к мужу, да вдобавок, быть может, его сообщник ласкар предупреждает его о приближении полиции. Нельзя терять ни минуты. Он кидается в укромный угол, где спрятаны плоды его нищенства, и набивает карманы пиджака первыми попавшимися под руку монетами. Затем он выбрасывает пиджак и хочет выбросить остальные вещи, но слышит шум шагов на лестнице и перед появлением полиции едва успевает захлопнуть окно.

— Это правдоподобно.

— Примем это как рабочую гипотезу, за неимением лучшего... Бун, как я вам уже говорил, был арестован и приведён в участок. Прежняя его жизнь, в сущности, безупречна. Правда, в продолжение многих лет он был известен как профессиональный нищий, но жил спокойно и ни в чём дурном замечен не был.

Вот в каком положении находится всё это дело в настоящее время. Как видите, попрежнему остаются нерешёнными вопросы о том, что делал Невилл Сент-Клер в этой курильне опия, что там с ним случилось, где он теперь и какое отношение имеет Хью Бун к его исчезновению.

Пока Шерлок Холмс рассказывал мне подробности этих удивительных происшествий, мы миновали предместье огромного города, оставили позади последние дома и покатили по дороге, с обеих сторон которой тянулись деревенские плетни.

— Мы въезжаем в Ли,—сказал мой приятель.— Видите те огоньки между деревьями? Это «Кедры».

Мы остановились перед большой виллой, окружённой садом. Передав лошадь выбежавшему нам навстречу конюху, мы с Холмсом пошли к дому по узенькой дорожке, посыпанной гравием. При нашем приближении дверь распахнулась, и у порога появилась маленькая белокурая

женщина в светлом шёлковом платье с отделкой из пышного розового шифона.

— Узнали что-нибудь хорошее?

— Нет.

— А дурное?

— Тоже нет.

— И то слава богу. Но входите же. У вас был трудный день, вы, наверное, устали.

— Это мой друг, доктор Уотсон. Он был чрезвычайно полезен мне во многих расследованиях, и, по счастливой случайности, мне удалось привезти его сюда, чтобы воспользоваться его помощью в наших поисках.

— Рада вас видеть, — сказала она, приветливо пожимая мне руку.

— Мистер Шерлок Холмс,—сказала она, вводя нас в ярко освещённую столовую, где нас поджидал холодный ужин, — я хочу задать вам несколько откровенных вопросов и прошу вас ответить на них так же прямо и откровенно.

— Извольте, сударыня.

— Верите ли вы в глубине души, что Невилл жив?

Шерлок Холмс, видимо, был смущён этим вопросом.

— Говорите откровенно, — повторила она, стоя на ковре и пристально глядя Холмсу в лицо.

— Говоря откровенно, сударыня, не верю.

— Вы думаете, что он умер?

— Да, думаю.

— В какой же день он умер?

— В понедельник.

— В таком случае, мистер Холмс, будьте любезны объяснить мне: каким образом я могла получить от него сегодня это письмо?

Шерлок Холмс вскочил с кресла, словно его ударило электрическим током.

— Что? — закричал он.

— Да, сегодня.

Она улыбнулась, держа в руке листок бумаги.

— Можно прочитать?

— Пожалуйста.

Он выхватил письмо у неё из рук, разложил его на столе, разгладил и принялся внимательно рассматривать.

— Грубый почерк, — пробормотал Холмс. — Уверен, что почерк не вашего мужа, сударыня.

— Да, на конверте чужой почерк, но внутри — почерк моего мужа.

— Человеку, который надписал конверт, пришлось наводить справки о вашем адресе.

— Откуда вы это знаете?

— Имя на конверте, как видите, выделяется своей чернотой, потому что чернила, которыми оно написано, высохли сами собою. А адрес бледноват, потому что к нему прикладывали промокашку. Если бы надпись на конверте была сделана сразу и если бы её всю высушили промо-

кашкой, все слова были бы одинаково серы. Этот человек написал на конверте сперва только ваше имя и лишь спустя некоторое время приписал к нему адрес, из чего можно заключить, что адрес не был ему вначале известен. Конечно, это пустяк, но в моей профессии нет ничего важнее пустяков. Дайте мне взглянуть на письмо... Ага! Туда было что-то вложено.

— Да, там было кольцо. Его кольцо с печатью.

— «Дорогая, не волнуйся. Всё кончится хорошо. Произошла ошибка, на исправление которой требуется некоторое время. Жди терпеливо. Невилл»... Написано карандашом на листке, вырванном из книги, без водяных знаков. Гм! Отправлено сегодня из Гревзенда человеком, у которого большой палец чем-то выпачкан. Ха! Если не ошибаюсь, человек, заклеивавший конверт, жуёт табак... Вы убеждены, сударыня, что это почерк вашего мужа?

— Убеждена. Это письмо написал Невилл.

— Оно отправлено сегодня из Гревзенда. Что ж, миссис Сент-Клер, тучи рассеиваются, хотя я не могу сказать, что опасность уже миновала.

— Однако он жив, мистер Холмс!

— Если только это не ловкая подделка, чтобы направить нас на ложный след. Кольцо, в конце концов, ничего не доказывает. Кольцо могли отнять у него.

— Но это его, его, его почерк!

— Хорошо. Но что, если письмо написано в понедельник, а послано только сегодня?

— Это возможно.

— А за этот срок многое могло произойти.

— О, не отнимайте у меня моей радости, мистер Холмс! Я знаю, что с ним ничего не случилось. Мы с ним настолько близки, что я непременно почувствовала бы, если бы он попал в настоящую беду. За день до того, как он исчез, он порезал себе нечаянно палец. Я была в столовой, он в спальне, и я сразу побежала к нему, чувствуя, что с ним случилась беда. Неужели вы думаете, что я не знала бы о его смерти, если даже такой пустяк способен повлиять на меня!

— В понедельник, уезжая, он ни о чём вас не предупреждал?

— Нет.

— И вы очень удивились, увидев его на Суондем-лэне?

— Очень.

— Он мог бы окликнуть вас из окна?

— Да.

— Между тем, насколько я понял, у него вырвалось только бессвязное восклицание?

— Да.

— Вы подумали, что он зовёт вас на помощь?

— Да. Он махал мне руками.

— Но, быть может, он вскрикнул от неожидан-

ности. Он мог всплеснуть руками от изумления, что видит вас.

— Возможно.

— И вам показалось, что его оттащили от окна?

— Он исчез так внезапно...

— Он мог просто отскочить от окна. Вы никого больше не видели в комнате?

— Никого.

— Насколько вы могли разглядеть, ваш муж был одет, как всегда?

— Но на нём не было ни воротничка, ни галстука. Я отчётливо видела его голую шею.

— А вы никогда не замечали каких-нибудь признаков, указывающих на то, что он курит опий?

— Никогда.

— Благодарю вас, миссис Сент-Клер. Это основные пункты, о которых я хотел знать всё.

В наше распоряжение была предоставлена просторная, удобная комната с двумя кроватями, и я сразу улёгся, так как ночные похождения утомили меня. Но Шерлок Холмс, когда у него была какая-нибудь нерешённая задача, мог не спать по целым суткам и даже неделям, обдумывая её, сопоставляя факты, рассматривая её с разных точек зрения до тех пор, пока ему не удавалось либо разрешить её, либо убедиться, что он находится на ложном пути. Я скоро по-

нял, что он готовится просидеть без сна всю ночь. Он снял пиджак и жилет, надел синий просторный халат и принялся собирать в одну кучу подушки с кровати, с кушетки и кресел. Из этих подушек он соорудил себе нечто вроде восточного дивана и взгромоздился на него, поджав ноги и поставив перед собой пачку табаку и коробку спичек.

Так сидел он, когда я засыпал, и так сидел он, когда я при блеске утреннего солнца открыл глаза, разбуженный его внезапным восклицанием. Трубка всё ещё торчала у него изо рта, дым всё ещё вился кверху, комната была полна табачного тумана, а от пачки табаку, которую я видел вечером, уже ничего не осталось.

— Проснулись, Уотсон? — спросил он.

— Да.

— Хотите прокатиться?

— С удовольствием.

— Так одевайтесь. В доме ещё все спят, но я знаю, где ночует конюх, и сейчас у нас будет бричка.

При этих словах он усмехнулся; глаза его блестели, и он нисколько не был похож на того мрачного мыслителя, которого я видел вчера.

Одеваясь, я взглянул на часы. Неудивительно, что в доме все ещё спали: было двадцать пять минут пятого. Едва я успел одеться, как вошёл Холмс и сказал, что конюх уже запряг лошадь.

— Хочу проверить одну свою теорию, — сказал он, натягивая башмаки. — Вы, Уотсон, видите перед собой одного из самых круглых дураков. Во всей Европе нет другого такого болвана. Я был слеп, как крот. Мне следовало бы дать такого тумака, чтобы я полетел отсюда до Черинг-кросса! Но теперь я, кажется, нашёл ключ к этой загадке.

— Где же он, ваш ключ? — спросил я, улыбаясь.

— В ванной, — ответил Холмс. — Нет, я не шучу, — продолжал он, заметив мой недоверчивый взгляд. — Я уже был в ванной, взял его и спрятал вот сюда, в чемоданчик. Поедем, друг мой, и посмотрим, подойдёт ли этот ключ к замку.

Мы спустились с лестницы, стараясь ступать как можно тише. На дворе уже ярко сияло утреннее солнце. У ворот нас поджидала бричка, конюх держал под уздцы запряженную лошадь.

— В некоторых отношениях это совершенно исключительное дело, — сказал Холмс, пуская лошадь галопом. — Сознаюсь, я был слеп, как крот, но лучше поумнеть поздно, чем никогда.

Шерлока Холмса хорошо знали в полицейском управлении, и когда мы подъезжали, два констебля отдали ему честь. Один из них взял лошадь под уздцы, а другой повёл нас внутрь здания.

Из вымощенного каменными плитами коридора навстречу нам вышел высокий грузный полицейский в полной форме.

— А, Брэдстрит! Как поживаете? Я хочу поговорить с вами, Брэдстрит.

— Чем могу служить, мистер Холмс?

— Я хочу расспросить вас о том нищем, который замешан в деле исчезновения мистера Невилла Сент-Клера.

— Его арестовали и привезли сюда для допроса.

— Не буйствует?

— Нет, ведёт себя тихо. Но какой он грязный, негодяй!

— Грязный?

— Да. Еле-еле заставили его вымыть руки, а лицо у него чёрное, как у медника. Вот пусть только кончится следствие, а там уж ему не избежать тюремной ванны! Если бы вы на него посмотрели, вы согласились бы со мною.

— Я очень хотел бы на него посмотреть.

— Правда? Это нетрудно устроить. Идите за мной.

Он открыл запертую дверь, спустился по винтовой лестнице и привел нас в коридор, в котором были выбелены стены. Справа и слева шла вереница дверей.

— Его камера — третья направо, — сказал инспектор. — Вот здесь.

Он осторожно отодвинул дощечку в верхней части двери и глянул в отверстие.

— Спит, — сказал он. — Вы можете хорошенько рассмотреть.

Мы оба приникли к решётке. Арестант крепко спал, медленно и тяжело дыша. Лицо его было обращено к нам. Это был мужчина среднего роста, одетый, как и подобает людям его профессии, очень скверно: сквозь прорехи порванного пиджака торчали лохмотья цветной рубахи. Он был действительно необычайно грязен, но даже толстый слой грязи, покрывавший лицо, не мог скрыть его отталкивающего безобразия.

— Ему необходимо помыться, — заметил Холмс. — Я уже и раньше об этом догадывался и захватил с собой весь инструмент.

Он раскрыл чемоданчик и, к нашему изумлению, вынул из него большую губку.

— Хе-хе, да вы шутник! — засмеялся инспектор.

— Будьте любезны, откройте нам тихонько дверь, и мы живо придадим ему более приличный вид.

Инспектор открыл дверь, и мы втроем бесшумно вошли в камеру. Арестант шевельнулся, но сразу же заснул ещё крепче. Холмс подошёл к рукомойнику, намочил свою губку и дважды с силой провёл ею по лицу арестанта.

— Позвольте мне представить вас мистеру

Невиллу Сент-Клеру из Ли, в графстве Кент! — воскликнул Холмс.

Никогда в жизни не видел я ничего подобного. Лицо сползло с арестанта, как кора с дерева. Исчез грубый тёмный загар. Исчез ужасный шрам, пересекавший всё лицо наискосок. Исчезла разрезанная губа. Исчез отталкивающий оскал зубов. Рыжие лохматые волосы исчезли от одного взмаха руки Холмса, и мы увидели бледного, грустного изящного человека с чёрными волосами и нежной кожей, который, сидя в постели, протирал глаза и с недоумением глядел на нас, ещё не вполне очнувшись от сна. Внезапно он понял всё, вскрикнул и зарылся головой в подушку.

— Боже, — закричал инспектор, — да ведь это и есть пропавший! Я знаю его! Я видел фотографию!

Арестант повернулся к нам с безнадёжным видом человека, решившего не противиться судьбе.

— Будь, что будет! — сказал он. — За что вы меня держите здесь?

— За убийство мистера Невилла Сент... Тьфу! В убийстве вас теперь обвинять невозможно. Вас могли бы обвинить, пожалуй, только в попытке совершить самоубийство,—сказал инспектор, усмехаясь. — Я двадцать семь лет служу в полиции, но ничего подобного не видел.

— Раз я мистер Невилл Сент-Клер, то, значит,

преступления совершено не было, и, следовательно, я арестован незаконно.

— Преступления нет, но сделана большая ошибка, — сказал Холмс. — Вы напрасно не доверились жене.

— Дело не в жене, а в детях, — пылко сказал арестант. — Я не хотел, чтобы они стыдились отца. Боже, какой позор! Что мне делать?

Шерлок Холмс сел рядом с ним на койку и ласково похлопал его по плечу.

— Если вы позволите разбираться в вашем деле суду, вам, конечно, не избежать огласки, — сказал он. — Но если вам удастся убедить полицию, что за вами нет никакой вины, газеты ничего не узнают.

— О, как я вам благодарен! — вскричал арестант. — Я охотно перенёс бы заточение, даже смертную казнь, лишь бы не опозорить детей раскрытием моей несчастной тайны! Вы первые услышите мою историю...

Отец мой был учителем в Честерфилде, и я получил там превосходное образование. В юности я много путешествовал, работал на сцене и, наконец, стал репортёром одной вечерней лондонской газеты. Однажды моему редактору понадобилась серия очерков о нищенстве в столице, и я вызвался написать их. С этого и начались все мои приключения. Чтобы добыть необходимые для моих очерков факты, я решил переодеться

нищим и стал попрошайничать. Когда я был ещё актёром, я славился моим умением гримироваться. Теперь это умение пригодилось. Я раскрасил себе лицо, а для того, чтобы вызвать побольше жалости, намалевал на лице шрам и с помощью пластыря телесного цвета изуродовал себе губу, слегка приподняв её. Затем, надев лохмотья и рыжий парик, я сел в самом оживлённом месте Сити и принялся под видом продажи спичек просить милостыню. Семь часов я провёл не вставая, а вечером, вернувшись домой, к величайшему своему удивлению, обнаружил, что набрал двадцать шесть шиллингов.

Я написал очерки и позабыл обо всей этой истории. Но вот, некоторое время спустя, мне предъявили вексель, по которому я поручился уплатить за приятеля двадцать пять фунтов. Я понятия не имел, где достать эти деньги, и вдруг мне в голову пришла отличная мысль. Упросив кредитора подождать две недели, я взял на работе отпуск и провел его в Сити, прося милостыню. За десять дней я собрал необходимую мне сумму и уплатил долг. Теперь, вообразите себе, легко ли работать за два фунта в неделю, когда знаешь, что эти два фунта ты можешь получить в один день, выпачкав себе лицо, положив шапку на землю и ровно ничего не делая?

Долго длилась борьба между моей гордостью и стремлением к наживе, но страсть к деньгам

в конце концов победила. Я бросил работать в газете и стал все дни проводить на давно облюбованном мною углу, вызывая жалость своим уродливым видом и набивая карманы медяками.

Только один человек был посвящен в мою тайну — владелец низкопробного притона на Суондем-лэне, в котором я поселился. Каждое утро я выходил оттуда в виде жалкого нищего, и каждый вечер я превращался там в хорошо одетого господина. Я щедро платил этому ласкару за его комнаты, так как был уверен, что он никому ни при каких обстоятельствах не выдаст моей тайны.

Вскоре я стал откладывать крупные суммы денег. Вряд ли в Лондоне есть хоть один нищий, зарабатывающий по семисот фунтов в год, а я зарабатывал и больше. Я овладел искусством шутливо отвечать на случайные замечания прохожих и скоро прославился на всё Сити. Поток пенсов, перемешанных с серебром, сыпался на меня беспрестанно, и я считал неудачными те дни, когда получал меньше двух фунтов. Чем богаче я становился, тем шире я жил. Я снял себе дом за городом, я женился, и никто не подозревал, чем я занимаюсь в действительности. Моя милая жена знала, что у меня в Сити есть какие-то дела. Но какого рода эти дела, она не имела ни малейшего представления.

В прошлый понедельник, закончив работу,

я переодевался у себя в комнате, как вдруг, выглянув в окно, увидел, к своему ужасу, что жена моя стоит на улице и смотрит прямо на меня. Я вскрикнул от изумления, поднял руки, чтобы закрыть лицо, и кинулся к моему соучастнику ласкару, умоляя его никого ко мне не пускать. Я слышал внизу голос жены, но я знал, что подняться она не сможет. Я быстро разделся, натянул на себя нищенские лохмотья, парик и разрисовал лицо. Даже жена не могла бы узнать меня в этом виде.

Но затем мне пришло в голову, что комнату мою могут обыскать, и тогда моя одежда выдаст меня. Я распахнул окно, причём второпях задел мой раненый палец (я поранил себе палец утром в спальне), и из ранки опять потекла кровь. Потом я схватил пиджак, набитый медяками, которые я только что переложил туда из своей нищенской сумы, швырнул его в окно, и он исчез в Темзе... Я собирался швырнуть туда и остальную одежду, но тут ко мне ворвались полицейские, и через несколько минут, вместо того чтобы быть изобличённым как мистер Невилл Сент-Клер, я оказался арестованным как его убийца.

Больше мне нечего прибавить. Желая сохранить грим на лице, я отказывался от умывания. Зная, что жена будет тревожиться обо мне, я тайком от полицейских снял с пальца кольцо и передал его ласкару вместе с наскоро нацара-

панной запиской, в которой я сообщал ей, что мне не угрожает никакая опасность.

— Она только вчера получила эту записку, — сказал Холмс.

— За ласкаром следила полиция, — сказал инспектор Брэдстрит, — и ему, видимо, никак не удавалось отправить записку незаметно. Он, вероятно, передал её какому-нибудь матросу, завсегдатаю своего притона, а тот в течение нескольких дней всё забывал опустить его в ящик.

— Так это, без сомнения, и было, — подтвердил Холмс. — Но неужели вас никогда не привлекали к суду за нищенство?

— Много раз. Но что значит для меня незначительный штраф!

— Однако теперь вам придётся оставить своё ремесло, — сказал Брэдстрит.

— Я уже поклялся себе в этом самой торжественной клятвой, какую только может дать человек.

— В таком случае всё будет забыто, — сказал Брэдстрит. — Но если вас заметят опять, мы уже не станем скрывать ничего... Мы очень признательны вам, мистер Холмс, за то, что вы раскрыли это дело. Хотел бы я знать, каким образом вы достигаете подобных результатов.

— На этот раз, — отозвался мой друг, — мне понадобилось посидеть на пяти подушках и выкурить полфунта табаку...

СОДЕРЖАНИЕ

Перевод с английского М. и Н. Чуковских

Рассказы печатаются с некоторыми сокращениями.

Рисунки худ. Г. Балашова

Отв. редактор В. В. ПАНОВ

Отпечатано с матриц под наблюдением
майора Лепина Б. Е.
Технический редактор Коновалова Е. К.
Корректор Васильев Б. К.

Г 07383. Подписано к печати 3.5.46. Изд. № 2059/Л.
Объем 2 п. л. Зак. № 1250.

Цена 25 коп.

БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА «КРАСНОАРМЕЕЦ»

Вышли из печати в 1946 году:

№ 1 П. БАЖОВ ЕРМАКОВЫ ЛЕБЕДИ Уральские сказы	№ 2 БРЕТ-ГАРТ СЧАСТЬЕ РЕВУЩЕГО СТАНА Рассказы
№ 3 К. СТАНЮКОВИЧ ПАРИ Рассказы	№ 4 О. ГЕНРИ ДАРЫ ВОЛХВОВ Новеллы
№ 5 ЯРОСЛАВ ГАШЕК ШВЕЙК-СИМУЛЯНТ	№ 6 А. П. ЧЕХОВ НИНОЧКА Рассказы
№ 7 РАДЬЯРД КИПЛИНГ БЕГСТВО БЕЛЫХ ГУСАР Рассказы	№ 8 Н. С. ЛЕСКОВ ТУПЕЙНЫЙ ХУДОЖНИК Рассказы